

Евгения Цаголова

Ведьмин подарок. Лимит

Евгения Цаголова

Ведьмин подарок. Лилит (сборник)

«Accent Graphics communications»

2014

Цаголова Е. И.

Ведьмин подарок. Лилит (сборник) / Е. И. Цаголова — «Accent Graphics communications», 2014

Я шёл со службы, когда моё внимание привлёк мальчик – продавец газет.— Купите газетку, господин хороший?! Нашу помощницу, госпожу ясновидящую, убили...— Ясновидящую? – Машинально сунув пареньку в кулачок монету, я взял свежую, пахнущую типографскими чернилами, газету. С неё на меня смотрело мёртвое лицо моей жены.

© Цаголова Е. И., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Ведьмин подарок. Лилит	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Евгения Цаголова

Ведьмин подарок. Лилит

Ведьмин подарок. Лилит

История, которую я решился поведать вам, случилась со мной не так давно. Хотя вы, глядя на мои седые виски, вряд ли поверите, что мне всего 25 лет. Да и потухшие глаза мои вряд ли одарят вас юношеским задором, скорее поразят своею черной глубиной и потерянностью. Но к чему вся эта грустная философия? Перейду прямо к делу...

Родился я в одной из многочисленных российских деревушек, в самой обычной семье. Мать моя, сама отказавшаяся в юности от обучения в институтах по причине бедности своих родителей и боязни их выпустить юную, распрекрасную деву из-под своего отеческого крыла, всяческими честными и бесчестными путями умудрялась понемногу “извлекать” небольшие суммы денег из нашего семейного бюджета и откладывать их мне на это самое заветное обучение. Отец не был сторонником взращивания из меня лица благородного и образованного. Кроме того, он очень хорошо умел считать свои кровно заработанные и понимал, что его благоверная откладывает понемногу на что-то, что ему явно пришлось бы не по вкусу, узнай он об этом. Но спорить с матерью отец не любил. И потому, что, не смотря на эти вырванные из семейного бюджета небольшие деньги, кушал он очень вкусно – мать была редкая умелица и хозяйка. И потому, что она была его моложе на целых 14 годков и дюже милοвидна.

Так, стараниями матушки, после окончания школы я был зачислен в северо-западный институт печати. По причине отсутствия у меня родственников в этом самом необычном из всех российских городов, в коем базировалось данное учебное заведение, проживать мне пришлось на съёмной квартире, расположенной в старом и обшарпанном за годы своей службы доме. Здесь же я узнал о существовании тупиковых улиц и о различных тёмных историях, множась в таких местах, словно опята на лесном пенёчке.

Почему я завёл речь об этих, таких многочисленных для Санкт-Петербурга, тупиковых улочках, вы узнаете чуть позже. Сейчас же я хочу поведать вам обо всех прелестях студенческой жизни, коих, возможно, вы ещё помните и сами. Студенческая жизнь – она, как песня: лихая, захватывающая душу и быстро заканчивающаяся. Проживали мы ее с тем самым максимальным размахом, который только могли себе позволить. Именно мы. Я не оговорился. Снимать квартиру одному – дело очень накладное, а по студенческим меркам – даже нереальное. Посему жили мы в арендованном помещении вчетвером, я и трое моих сокурсников – парней приезжих, выходцев из таких же обычных семей деревень и городов русских. Жили дружно, пьяно, временами на целый месяц и более позволяя себе выключаться из великого процесса обучения будущей своей профессии.

В такие периоды пьяного загула имели мы два развлечения: то пугали прохожих – скромных, воспитанных и тихих, таких во всём непохожих на нас; а то начинали взахлёб рассказывать друг другу те самые тёмные истории, подслушанные нами то ли в детстве от стариков на завалинках, то ли в тех же пивных барах от их завсегдатаев.

Истории эти были зачастую так неправдоподобны, что и слушать их не стоило. Но одна такая байка навсегда изменила мою бесшабашную жизнь, да и всё мое сознание поменяла начисто. Даже если я возьмусь сейчас напрягать память мою, которая всячески старается позабыть о тех днях, я не вспомню – кто и при каких обстоятельствах поведал нам с друзьями о бабке-колдунье, якобы проживающей в доме на одной улице с нами, только в самом её тупике. Но суть в том, что история эта всё-таки была рассказана. И притом – весьма эмоционально. И что самое удивительное для меня – все мои приятели настолько глубоко уверовали в существова-

ние этой самой колдуньи, что решили непременно выследить её и узнать поподробнее о ночных шашнях с нечистой силой.

Тут же, безотлагательно, за столиком в очередном полюбившемся нам своей дешевизной баре, товарищи мои принялись составлять очередь наших ночных дежурств у дома ведьмы. Именно наших. Ибо мой отказ однозначно был бы воспринят как самая последняя трусость, чего я, считавший себя парнем боевым и разудалым, допустить просто не мог.

Бабка Аграфена из того самого дома в тупике колдунью ничем не напоминала. Мне она казалась женщиной неплохой, трудолюбивой и весьма богобоязненной. Охала вечно над своим непутевым внуком-переростком Витькой, хлопотала о справности его брюк да рубашек, хотя лбу этому давно уже перевалило за 30. Мои же психически неуравновешенные сотоварищи в один голос твердили о причастности горбатой бабки к клану Сатаны. И приводили свои доводы: падение Матвея на дежурстве и подворачивание им правой ноги от взгляда Аграфены. То, что Матвей в этом дозоре находился поистине в непотребном состоянии, а именно – “ноги его не держали”, во внимание никто отчего-то брать не хотел.

Короче, костеря бабушку на чём свет стоит, эти вечно пьяные создания продолжали день ото дня нести свой дозор, приписывая ежедневно Аграфене все новые и новые грехи.

Настала и моя очередь караул держать. Будучи абсолютно уверенным, что за ночь ничего любопытного произойти просто не может, я “принял на грудь” пару литров “Невского живого” и приготовился опочивать прямо под яблонькой, что росла неподалеку от злосчастного дома. Сон сморил меня быстро. Я спал самым сладким сном младенца, почмокивая во сне губами и любуясь в нём разлюбезной матушкой. Как вдруг – будто бы чья-то рука толкнула меня в плечо... Я, словно ошпаренный, вскочил и тут же, непроизвольно, взглянул на дом Аграфены. И то ли, вскочив на ноги, мой организм всё ещё продолжал видеть свои цветные сны, то ли и впрямь было это наяву, но увидел я девушку на швабре, влетающую прямо в огромную трубу дома. Да, вы не ослышались. Именно на швабре, какие сотнями стоят во всех хозяйственных магазинах. Только данная разновидность комплектовалась ярко желтым черенком, посему не заметить её на фоне чёрного неба я не мог. Да и огненно-рыжая девушка ничем не походила на горбатую старушку Аграфену, за коей мы вели наблюдение.

На улице уже светало. Ноги мои судорожно тряслись в коленях, отчего мне снова пришлось присесть на землю. Рассказывать приятелям об увиденном мне совсем не хотелось. И из-за того, что сам я не верил глазам своим. И по какой-то другой, неясной даже мне самому, причине...

Я ждал следующего дежурства с таким диким нетерпением, расспрашивал товарищей об их ночных бдениях с таким неподдельным интересом, что все были абсолютно уверены:

– Ведьма Аграфена! Ещё какая ведьма! Вон Максим и тот, будто с цепи рвет, в дозор просится... Знать, видел что-то... Но скрывает пока.

Снова пришёл мой черёд дом сторожить. Я не переставал удивляться – отчего же за столь немалый срок дежурств наших никто даже словом ни разу не обмолвился о рыжей девушке? Неужели один я её видел?..

В тот вечер я не пил ни грамма спиртного. Притаившись за яблоней, я, попеременно то потяя, а то покрываясь зябкими мурашками, ждал. Ждал её...

Наверное, снова сон одолел меня. Каким образом рыжая красавица покидала дом свой – я не видел. Но на рассвете та же, что и прежде, невидимая сила вновь разбудила меня, толкнув в плечо. От неожиданности я снова вскочил на ноги. На небе, над трубой дома, яркими кричащими пятнами выделяясь на фоне седых нахохлившихся облаков, “зависли” три “транспортных средства”. Девушки смеялись и прощались до следующей встречи. Я же поспешил укрыться в яблонево́й листве. Только ноги мои от длительного нахождения в неудобной позе не слушались. И я всем своим немалым весом с грохотом и совсем нелитературными словами упал...

Девушки притихли. И не успел я даже подумать об отползании из опасной зоны, как рыжая красотка оказалась на земле, возле меня. Легонько стукнула она черенком швабры по большому пальцу правой ноги моей и по моему правому уху. И, смеясь, полетела к подругам.

– Приходи в ближайшую полночь ко мне, коли подарок мой не по вкусу придется! – Прокричала она мне, лихо залетая в трубу...

Подруги её тут же скрылись за облаками. О каком подарке вела речь ведьма, я понял только дома... Сотоварищи мои ещё спали, ворочаясь и постанывая во сне от мучающей их жажды после очередного бурного застолья. Я же решил принять ванну и побриться, дабы немного прийти в себя после всего увиденного. Но, увидев своё отражение в зеркале, я невольно вскрикнул и отшатнулся. Пугливым и слабонервным я никогда не был, но вид моего правого уха, того самого, которого коснулась ведьма, испугал бы любого человека, даже с достаточно крепкой нервной системой. Оно начисто заросло какими-то странными, серыми волосами, по составу своему скорее напоминающими волчью шерсть. Отчего сам я походил на некую жалкую зверушку, а не на некогда симпатичного (по словам моих подружек), крепкого парня.

– Чёртова ведьма! – В ужасе я пальцами тёр свое ухо и пытался брить его бритвой...

Но не так-то просто обрить ухо. После шестого пореза я отказался от этой затеи и твёрдо решил этой же ночью пойти к ней с требованием восстановить мою внешность. Благо в то время волосы я носил достаточно длинные, что позволяло мне скрыть на предстоящие сутки своё внезапно возникшее уродство. Думаю, вы догадываетесь, что шерстью от ведьминого прикосновения покрылось не только мое правое ухо, но и большой палец правой ноги...

Для начала я решил просто выспаться. Сон был тревожным. Я ворочался, мычал, просыпался и снова впадал в странное состояние транса, в коем ожидала меня моя новая знакомая. Губы её пахли лесной земляникой. Рыжие волосы вились, будто змеи, и обжигали меня своим прикосновением. Она мучила меня, маня и отвергая... Всё, на что доставало моего мужества в этом непонятном сне, это спросить её имя.

– Лилит... – Прошептали алые губы настолько близко от моих, что я застонал и проснулся.

Я был на все сто процентов уверен, что сон, терзавший меня весь день, не был обычным сном. То ведьма Лилит (я знал, что это её настоящее имя) ворожит... И сердце моё дрожит...

В ту же минуту я сел за стол и начал писать свое первое и единственное в жизни стихотворение. О ней... Лилит...

К вечеру состояние моих приятелей-товарищей не улучшилось, а, скорее, наоборот ухудшилось. Выяснилось, что чудный вчерашний банкет был устроен без соблюдения самого главного правила хорошей вечеринки – техники безопасности. А именно – “пойло” было приобретено за совсем небольшие деньги у какого-то иностранного гражданина, не имевшего даже временной регистрации в РФ. Приятелей моих, всех до единого, госпитализировали. Во время госпитализации Матвей, словно больной ребёнок, держал меня за руку и, морщась от каких-то крайне болезненных ощущений в пропитом начисто организме своем, вопрошал:

– Максик, а ведьма как же? Ты справишься один-то? Ты держись...

Я похлопал его по плечу и, втайне радуясь (хотя в такой ситуации радоваться было грешно), что мне никто не мешает сегодня ночью, уверенно и проникновенно произнес:

– Вы сами держитесь там. Я не подведу, еженощно на дежурстве буду.

Мой уверенный тон абсолютно успокоил Матвея и он, отпустив мою руку, позволил занести себя в карету “Скорой помощи”.

Итак, я остался один. Путь мой был свободен, будто кто-то одним взмахом волшебной палочки убрал все препятствия с дороги... Думать о том, что это она позаботилась о нашей встрече, я просто боялся...

Ты бы видел, читатель мой, как я готовился к этой встрече... Даже сейчас, по прошествии немалого времени, при воспоминаниях об этом, на лицо мое наплывает блаженная улыбка...

Я напоминал себе ту девицу из рекламы: трижды помылся; минут 40 бегал в семейных трусах пред зеркалом в прихожей, то удаляя некий невидимый прыщик, а то, заморожено поглаживая волосы на своей груди, просто долго всматривался в своё зеркальное отражение; перемерил весь небогатый гардероб; залил себя одеколоном друга Даниила...

Я собирался так, словно иду на свидание к весьма желанной даме... И вдруг замер пораженный: я действительно иду к самой желанной для меня за всю мою недолгую жизнь девушке. Единственное, что тревожило меня – она была не такой, как все прежние мои знакомые, а именно ведьмой и, судя по всему, весьма поднаторела в этом своем богопротивном искусстве.

Вот так, за беседой с самим собой очень явственно обозначились все причины моей неуверенности: её занятие неуютно Богу, а моя благочестивая матушка, хотя и не пичкала меня сроду религиозными книгами да походами в церковь по воскресным дням, всё же веру некую в божественную искру во всём живом на земле во мне зародила. И эта вера идет вразрез с моей внезапно вспыхнувшей страстью к настоящей питерской ведьме... И действительно в мечтах своих я замахнулся на нечто сильное, что в разы сильнее меня самого...

– Ха! Да ты, Макс, просто превосходный психоаналитик! – Улыбнулся я своему отражению. – И за каким-таким бесом матушка моя милая меня в институт печати отдала?

Старые часы на стене пробили 11 раз – 11 часов ночи... Бой этих строгих, старинных часов в тишине напрочь стёр улыбку с моего премилого и самодовольного лица. Колени вновь стали предательски подрагивать. Нужно было, наконец, определиться с гардеробом и отправляться к ней...

А приходилось ли вам когда-нибудь, невидимые друзья мои, читающие сие грустное повествование, встречаться с девушкой, при одной мысли о коей у вас на несколько секунд будто бы останавливается сердце? Думаю, что менее 5 % людей на всём свете белом могут похвастаться подобными ощущениями... Это и благословение, и проклятье в одном лице. Это весьма и весьма непросто.

Я вдруг вспомнил о крошечной иконе, которую, утирая свои прекрасные голубые очи, второпях сунула мне матушка при прощании на перроне... А найдя её, я впервые не по просьбе родителей, а от всей своей взволнованной души, трижды перекрестился, поцеловал край рукава, изображённой на деревянной иконе, Богоматери, и быстро вышел из квартиры...

Мне показалось, что я миновал расстояние между нашими домами в считанные секунды. И ещё я понимал, что ежели замедлю шаг свой поспешный или, что хуже, приостановлюсь, то тогда просто с позором вернусь обратно к себе в кровать, и уже никакая сила и даже насмешки друзей не смогут заставить меня вновь пойти в тот проклятый тупик. И посему я шёл очень быстро, не давая себе даже крошечного шанса на остановку или какие-либо мысли.

В доме Аграфены и, как теперь нам доподлинно известно, Лилит было четыре парадных. Да, именно парадных. Здесь, в Санкт-Петербурге, подъезды называют парадными. Хотя зачастую ничего парадного и торжественного в них нет. Скорее все очень грязно и отнюдь не торжественно...

Питер вообще довольно странный город, мало похожий на другие. Например, мясо курицы здесь называют курой. Да, такое вот смешное для человека, приехавшего из другого города, слово. Причём некоторые местные жители с упоением доказывали мне часами, что единственное место, где правильно называют (обозначают) мясо курицы – это их культурная столица. В ответ же на мои возражения, что испокон веков во всех городах русских мясо барана зовётся бараниной, мясо кролика – крольчатинной, а мясо курицы – курятиной, сии товарищи только умолкали, сурово поджав губы, всем своим видом как бы говоря – понаехали тут неграмотные!..

Прости меня, читатель мой, за эти отступления от сути повествования. Просто даже сейчас, когда вся эта история, казалось бы, давно в прошлом, меня бросает в жар от воспоминаний. И мне тяжело вновь заставить себя к этому прикоснуться... Тяжело не оттого, что вспоминать не хочу... Наоборот. Больно оттого, что манит так, как если бы вся эта история произошла только вчера...

Только третья парадная дома в тупике была открыта. И мы с тобой знаем – почему, читатель мой... А дальше уже знакомая мне невидимая сила вела меня к квартире 99. И, едва мой палец замер над звонком, дверь сама отворилась, приглашая меня проследовать внутрь...

Я всегда боялся моментов молчания, топтания и неловкости. Но за этой, обитой чёрной кожей, дверью меня ждали не они... Широко распахнутые карие глаза и жадные губы, которые и наяву имели вкус земляники, поглотили меня... Я не слышал ничего, кроме биения наших сердец...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.